

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 2-265.3

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ СТРУКТУРЫ ЭПОСА (ЧЕТЫРЕ ЭПИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЯ)

Д.В. КОЛОСОВИздательство «Книговек»,
г. Москва

e-mail: kolosoff.koul@mail.ru

На основе анализа греческой и восточнославянской эпикой рассматриваются четыре поколения героев: архаическое, утверждающее власть людей, классическое, «декаданское». Обращается внимание на мотивы, которыми руководствовались герои каждого поколения – глорис, слава, сокровище, власть. При кажущейся отдаленности – временно и географически – греческой и восточнославянской эпикой наблюдается их генезиальное сходство в первых трех поколениях. Отличие четвертых поколений вызвано объективными причинами – гибелью Микенской цивилизации, повлекшей тушиковое развитие эпической культуры, с одной стороны, и формирование развитых феодальных отношений на Руси, с другой.

Ключевые слова: эпический герой, «Одиссея», былина, Святогор, Илья Муромец.

При всем разнообразии трудов по типологии эпоса существует не так много работ, посвященных генезису эпической героики, а именно двум проблемам:

А/ особенностям и тождеству перемены эпических поколений;

Б/ троичности образа эпического героя.

Рассмотрим аспект А.

Пожалуй, единственным исключением здесь является греческая эпика, где наряду с трудами А.Ф. Лосева и М. Файнлея¹, где данная проблема анализируется фрагментарно, существуют специализированные исследования, среди которых можно выделить большую и содержательную статью И.В. Шталь², рассматривающую поколения греческих героев на примере «Одиссеи» Гомера, а также далеко не бесспорную публикацию А.Л. Барковой³, посвященную той же проблеме.

В целом, в указанных работах предлагается следующая трактовка генезиса эпических поколений. И.В. Шталь, следуя гомеровой традиции⁴, рассматривает четыре поколения. Первое из них – «широкославные дети богов»⁵. Следующее поколение отчасти

¹ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960; Finley M.J. The world of Odysseus. L., 1964.

² Шталь И.В. Эволюция эпического изображения (четыре поколения героев «Одиссеи» Гомера) // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 182-212.

³ Баркова А.Л. Четыре поколения эпических героев. Режим доступа: <http://mith.ru/alb/epic/four1.htm>.

⁴ Hom. Il. I, 260 sq.

⁵ Hom. Od. XI, 639.

теряет божественную суть, но дерзко, сверхмужественно, сверхсильно, дико. Третье поколение – люди-полубоги⁶, отважные, но по большей части уже не дерзкие, не отваживающиеся противиться божественной воле или состязаться в сверхмужественности со своими предками, как о том говорит Одиссей:

*Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы,
Против Геракла иль против Эврита, царя Эхалии⁷.*

Но и эти герои, как и предки, руководствуются единственно главным своим мотивом – стремлением к подвигу⁸.

А вот четвертое поколение стремится жить в соответствии с идеалом возвратившегося домой Нестора Пилосского – «*Стариться в своём доме в веселье и полном довольстве*»⁹, стремясь более не к подвигу или славе, но к труду мирному, созидательному. Выражаясь терминологией Л.Н. Гумилёва, в этом поколении пассионарии окончательно уступают место субпассионариям¹⁰.

А.Л. Баркова предлагает несколько иную психологию поколений, вызывающую известное недоумение, особенно если учесть, что автор соотносит свой анализ с указанной *ut supra* статьёй И.В. Шталь. Ссылаясь на эту работу, А.Л. Баркова определяет первое поколение как индифферентно миру, даже враждебное. Второе поколение именуется полубожественным, с эпитетами «архаический», «исполинский», «безжалостный защитник». Третье поколение определяется с этической позиции по антитезе добро/зло. Четвёртое – как «поколение мирных богатырей», «неизведанная архаика».

Подобная интерпретация вызывает удивление. Итак, первое поколение, почему-то индифферентно миру и враждебное. Об индифферентности говорить в абсолютной степени нелепо, ибо добрая половина героев первого поколения – эпонимы и ойкисты, т.е. прародители этносов и основатели городов. Если же говорить о враждебности, то герои первого поколения враждебны, прежде всего, богам, ибо по праву качественного равенства сил власть богов оспаривают – «*боги с людьми препирались в Меконе*»¹¹.

Второе поколение почему-то именуется архаическим, хотя это определение скорее свойственно поколению первому; оно почему-то сопоставляется с исполинским, хотя на деле это – также черта первого поколения: даже Геракл – далеко не гигант; оно почему-то характеризуется как «безжалостный защитник», хотя герои второго поколения едва ли что-то защищают, являясь в большей степени агрессивными истребителями, т.е. проявляя инициативу в противостоянии врагу.

Третье поколение определяется оппозицией добро/зло, что абсолютно нелепо, ибо герои греческой эпикой в едва ли не абсолютной степени лишены представлений о морали в нашем её понимании, отчего добро и зло разделяются в соотношении с принципом свой-чужой.

Четвёртое поколение вдруг становится «неизведанной архаикой», «поколением мирных богатырей». На самом деле архаикой в этом поколении и не пахнет, не считая «всеудалённых»¹² земель, по которым странствует, возвращаясь домой, Одиссей. Что же касается «мирных богатырей», подобное определение верно только отчасти, ибо в этом поколении ясно прослеживается тенденция к новой цивилизованной этике, но богатырство все очевиднее умалывается.

Со своей стороны, предлагаем следующую характеристику героических поколений.

Первое поколение во многом перенимает черты культурного героя. В нем преобладают герои, сподвижники богам в мироустройстве – установители законов, эпонимы, ойкисты, демиурги¹³. Это поколение Миноса, Эллина, Кадма, Дедала. По сути, первое поколение можно бы смело отнести к культурной героике, если бы не гибрис – дерзкое противостояние богам. Конечно, гибрис был свойственен и культурным героям, доста-

⁶ Hom. Il. XII, 23.

⁷ Hom. Od. VIII, 223-224.

⁸ Шталь И.В. Эволюция эпического изображения (четыре поколения героев «Одиссеи» Гомера)... С. 197.

⁹ Hom. Od. IV, 210.

¹⁰ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

¹¹ Hesiod. Theog. 535.

¹² Шталь И.В. «Одиссея» – героическая поэма странствий. М., 1978. С. 57.

¹³ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1999. Т. 2. С. 14.

точно вспомнить греческого Прометея, полинезийского Мауи, китайского Хоуи, но тогда гибрис был осмысленным, оправданным – во благо человечеству; гибрис героев первого поколения вершится во имя собственной гордыни. Герои упрямо утверждают своё качественное равенство с богами¹⁴, и богоборческие подвиги их для человечества обыкновенно бесполезны.

Ради чего Тантал подал богам на пиру рагу из собственного сына?¹⁵ Ради гордыни – испытать всеведение богов.

Ради чего Алоады громоздили одна на другую горы?¹⁶ Единственно, чтобы доказать собственное богоравие.

Ради чего Иксион гонялся за Гёрой?¹⁷ Для того же – утвердить своё равенство с небожителями.

Ради чего редкий мерзавец Сизиф разглашал тайны богов и обманом вернулся на землю?¹⁸ Вроде бы во благо родного города, но если, разобраться, – тоже потакая гордыне.

Творцы и гордецы, порой свершающие подвиги во имя социума – деяние культурного героя, порой дерзкие во имя гордыни, славы – деяние уже героя эпического. Ещё можно прибавить, – в это время появляется тема Судьбы, что ярко выражено в преданиях о Сизифе и Эдипе.

Ментальность второго поколения меняется. На смену творцам приходят защитники – истребители хтонической нечисти: Персей, Тесей и, конечно же, Геракл. Но теперь подвиги свершаются все чаще не ради племени, а ради собственной славы, какая гарантирует бессмертие через память в потомстве, ибо боги человеку в бессмертии все чаще отказывают, и на смену «широкославным детям богов» идут герои-полубоги, кто вправе уже не рассчитывать, а лишь надеяться на бессмертие.

На исходе второго поколения к славе прибавляется новый мотив – вожделиние сокровища, также обеспечивающего бессмертие – либо через память потомков, либо через допуск в некий рай, скажем, Валгаллу, куда попадали лишь те герои, что приходили с мечом, а ещё лучше – ещё и с горшком золота¹⁹. За сокровищем плывут аргонавты²⁰. За драконовым кладом отправляется по старости Беовульф, начавший «карьеру» с классического поединка против нелюдя Гренделя²¹. Разгульный Садко объявляет: Дороже всего у нас на Руси красно золото²².

Для второго поколения свойственно преобладание героев-одиночек, богатырей, Реcke. Они нередко противопоставляют себя социуму, не желают, подобно Гераклу, двоять славу²³. Они покуда еще способны на гибрис, но уже дерзят богам с немалой оглядкой, предпочитая избирать в противники не олимпийцев, а божеств второго плана – Танатоса, Горгон и пр.

Третье поколение – классическое, руководствующееся в основном двумя указанными мотивами, к которым прибавляется третий – жажда власти, отражённый в противостоянии Ахилла и Агамемнона. Третье поколение отмечено яркой индивидуальностью характеров и увеличивавшимся отдалением человека от божества.

Герои третьего поколения – меньшие индивидуалисты, нежели их предшественники, однако они выделяются из общей массы воинов, являясь не просто предводителями, но символами своего племени. Выдающимися представителями третьего поколения следует признать Агамемнона, архетипически олицетворяющего фигуру Жреца, Ахилла,

¹⁴ «Равенство героя-богоборца и бога основано на количественном равенстве их сил. Качественное же равенство сил божества и смертного подразумевается изначальным и стабильным. Герой становится богоборцем тогда, когда силы его количественно превышают силы «обычного» рядового героя... и приближаются к силам божества или достигают их» (Шталь И.В. Гомеровский эпос. Опыт текстологического анализа «Илиады». М., 1975. С. 98).

¹⁵ Eur. Orest. 4-10.

¹⁶ Hom. Od. XI 305-320.

¹⁷ Pind. Pyth. II 21-48.

¹⁸ Hes. Theogn. 701 sq.

¹⁹ Конунг Буи Толстый прыгнул с захваченного врагами корабля с двумя ящиками награбленного золота (Jomsvikinga saga. 33 // Исландские саги. СПб., 1999).

²⁰ Apoll. Rhod.

²¹ Беовульф, 2747-2751.

²² Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 171.

²³ Apollod. II, VI, 4.

лицетворяющего Воина, и Одиссея, тождественного архетипу Пахаря, но с чертами трикстера.

Гибель Ахилла предвещает гибель Героического века и наступление цивилизации с ментальностью исторического времени. Однако властелину Агамемнону и большинству классических героев не было суждено войти в четвёртое поколение.

Четвёртое поколение символизирует вырождение эпического характера, эпической морали. Уже схолиастами было подмечено не просто филологическое, но идейное, более того, – стадийное различие «Илиады» и «Одиссеи», проанализированное впоследствии позднейшими исследователями. Прежде всего, необходимо обратить внимание на этику поэм. Сопоставив такие термины, как «слава», «безупречный», «хороший», «благородный», «дурной», «наихудший», «добродетель», «доблесть», А.Ф. Лосев замечает, что в «Илиаде» они *«гораздо больше связаны с благородством происхождения, физической силой и храбростью, чем с какими-нибудь нравственными качествами»*²⁴. Иное дело – «Одиссея», где подобные эпитеты куда чаще имеют моральный смысл, появляются прежде неиспользовавшиеся термины теофанического свойства – «священный», «богобоязненный». П.А. Гринцер обращает внимание на этическое противопоставление поэм²⁵. Если герои «Илиады» руководствуются особой, героической этикой, в «Одиссее» проступают черты этики заповеданной, общечеловеческой, поступки и намерения героя подвергаются моральной оценке, хотя этика «Одиссеи» не достигает уровня этики, скажем, «Махабхараты»: индийские герои рассматривают благо как всеобщее, «Одиссея» постулирует значимость, в первую очередь, личного блага. Если для третьего поколения определяющая слава, четвёртое готово отступить от героической ментальности, предпочтя – странное сочетание! – праздность и труд.

Герои четвёртого поколения рвутся не к подвигам, а к богатству и власти – черта морали классической цивилизации, отмеченной фиксированными «отчётами» о свершениях, прежде всего, правителей. Но классическая цивилизация в свои права так и не вступила, не устояв перед целой чередой катастроф: биосферного, социального, этнического характера.

Хочется подчеркнуть, что подобное развитие героической эпики не является характерной чертой исключительно эллинской культуры, что сходные черты можно найти в фольклорном наследии многих других народов Европы и Азии, в том числе, и в русском эпосе, при всей кажущейся незатейливости старин-былин ярко отражающем генезис эпико-героической ментальности.

Русский богатырский эпос также можно условно разделить на четыре поколения. Первое представлено героями архаическими – великаном Святогором, шаманом Вольгой, демиургом Микулой Селяниновичем.

Святогор – древнейший герой, архаически многообразный. Наиболее известная былина повествует о братании Святогора с Ильёй Муромцем и смерти Святогора²⁶. В этой былине Святогор предстаёт в образе абсолютно бесчувственного²⁷, бездейственного богатыря, лишённого воли²⁸, с трудом даже реагирующего на происходящее. Совершенно ясно, что время Святогора прошло, что ему осталось – уйти. При этом о прежних подвигах Святогора ничего не известно. Такое впечатление, что их вовсе и не было, а герой появился на свет лишь для того, чтобы ужасать своим гигантизмом и прославить, уступив своё место, нового героя²⁹.

По этой самой причине многие фольклористы отказывались признать в Святогоре эпического героя, трактуя этот образ как выражение природной стихии, а именно гор,

²⁴ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960. С.177.

²⁵ Гринцер П.А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 189, сл.

²⁶ Илья Муромец и Святогор // Илья Муромец. М.-Л., 1958. С. 16-19.

²⁷ Сказители: искусство звучащего слова. М., 1989. С. 101.

²⁸ В статье 1852 г., посвящённой Илье Муромцу, К.С. Аксаков пишет о Святогоре: «Эта сила уже без воли. Здесь сила приближается уже к стихии, как сила воды, ветра, и не возбуждает ни зависти, ни соревнования. Грустен образ этого богатыря... выигрывает богатырь Илья Муромец, величайшая человеческая сила, соединённая и с силою духа» (Цитируется по: Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 116).

²⁹ Балашов Д.М. Из истории русского былинного эпоса – «Потык» и «Микула Селянинович» // Русский фольклор, вып. XV. Л., 1975. С. 48.

причём порой характеристика образа доходит до примитивизма³⁰, либо, как это делает верный солярной символике А.Н. Афанасьев, с тучей³¹.

Пожалуй, интереснее прочих трактует архаический образ Святогора Д.М. Балашов, выдвинувший оригинальную версию о связи Святогора с придунайским ареалом обитания праславян – «Святые горы»³². Балашов предполагает, что этот образ возник ещё до нашей эры в период становления праславянской общности, когда наблюдался пассионарный подъём, который и привёл к формированию образа громадного богатыря как выражения пробудившейся силы этноса. Смерть же Святогора связана с пассионарным угасанием, распадом единого этноса на отдельные племена, за которым, с вливанием крови соседних народов, последовало формирование трёх ветвей славян. По мнению Д.М. Балашова, тот самый смертный дух, которого благоразумно отказывается вдохнуть Илья Муромец, есть не что иное, как выражение упадка пассионарности, «этнической энергии карпатских праславян»³³.

Другой архаический богатырь – Волх-Вольга. Волх – ярчайший представитель образа героя-оборотня, наделённый способностью обращаться в любое живое существо. Вольга – первобытный шаман, культурный герой, перешедший в героя эпического. Побеждает он не силой, но магией. Оборачиваясь животными тварями, кормит оголодавшую дружину, потом проникает во вражеский город и уничтожает неприятельское оружие, лишая недругов способности сопротивляться.

В отличие от Святогора, Вольга с лёгкостью историизируется, хотя весьма и весьма спорно: что в начале. Либо образ реального человека приобрёл эпические черты, либо под былинного героя пытаются подобрать исторического персонажа. Учитывая время сложения былин, Вольгу можно сопоставить с двумя русскими князьями – удачливым воителем Святославом, либо с Олегом Вещим, особенно со вторым³⁴: ему тоже приписывалась способность к оборотничеству – обращаться в «волкудлака»³⁵. Также с Олегом Вольгу роднит схожесть имён – Вольга-Хельга (Олег), и связь со змеей: если Олег будто бы погиб от укуса змеи, то «*Волх рождается оттого, что его мать наступает на змея. Тот обвивается вокруг её ноги, и она зачинает*»³⁶.

И, наконец, третьим архаическим героем можно признать Микулу Селяниновича. Образ Микулы достаточно бледен. Подвигам, как таковых, он не совершает, а славен лишь властью над «тягой земною», что отражает демиургическую функцию героя – в большей степени культурного, но нашедшего отражение и в эпосе. Микула подобен богам и культурным героям, научившим человека земледелию и ремеслу. Не исключено, что данный образ некогда был гораздо богаче, не уступая Прометею или Дедалу, но с течением времени, обеднел, «сузился» до одинокого сюжета, как это случилось и с образом Святогора.

Святогор, Вольга, Микула – общеславянские богатыри, в отличие от более поздних Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича, которые относятся к региональным циклам³⁷.

Второе поколение героев представлено Ильёй Муромцем, который при этом связан со всеми четырьмя героическими поколениями. До тридцати лет он – герой архаический, сидень, как Беовульф, как заточенный в бочку Персей, как отданный на воспитание кентавру Тесей. Потом он пробуждается и превращается, как Геракл, в машину истребления враждебного новому миру.

Как герой второго поколения, Илья выступает в качестве чистильщика, освобождающего землю от нечисти, каковой выступает Соловей-разбойник. Это персонаж, наде-

³⁰ «Святогор как мифический богатырь представляет бесплодную непродуцируемость горных пород, и, как бесполезная сила, он должен был погибнуть, когда люди научились возделывать землю» (Аникин В.П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 29).

³¹ Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверья славян: поэтические воззрения славян на природу. М.-СПб., 2002. Т.3. С. 377.

³² Балашов Д.М. Святогор // Русский фольклор, вып. XX. Л., 1988. С. 10-21.

³³ Там же, с. 20.

³⁴ Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. №5. С. 141-166.

³⁵ Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 61.

³⁶ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.-Л., 1965. С.68.

³⁷ Аникин В.П. Русский богатырский эпос. С. 35 сл.

лённый зооморфными чертами³⁸, но богатырь ушедшего поколения. Теперь он представляется Илье нелюдем, каким Полифем казался Одиссею, а Грендель – Беовульфу. Потому Илья побеждает, а потом, в Киеве, и убивает Соловья, немедленно переходя в третье поколение героев, отстаивающих интересы социума.

Сейчас Илья очень похож на Ахилла в двух основных аспектах этого идеально классического героя – в его противостоянии властителю, а также в превосходстве над прочими богатырями. При этом в отличие от сотоварищей Илья далеко не типичный герой. С одной стороны, защитник, предводитель героев на богатырской заставе, сражающийся со змеесущими врагами с Востока. Но он готов взбунтоваться против несправедливого правителя, претендующего на могущество властелина. Отстаивая древние, языческие народные ценности, он бунтует против такого аспекта цивилизации, как государственная религия, сшибая «маковки» с церковью – «А стрелил-то по чудным крестам»³⁹, выказывая тем самым гнбис против власти – свойство *героя третьего поколения*. Таков и Ахилл, гневающийся против властных претензий Агамемнона⁴⁰.

Илья по характеру своему – ярко выраженный лидер, неоспоримый предводитель героев. В принципе, даже возглавляя дружину, Илья остаётся одиночкой, что свойственно классическому эпическому герою, выступающему в гордом одиночестве, в отрыве от социума, нередко в негласном противостоянии с ним⁴¹; недаром по-немецки богатырь – «Recke», что означает изгнанник, одиноко странствующий герой. Обыкновенно на битву Илья выезжает один, призывая подмогу лишь против врага, многократно превосходящего силой.

Но рядом с Ильёй возникают два других ярких образа, хронологически более ранние, но в синхронистическом преломлении воспринимающиеся «молодшими» товарищами Ильи, – Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Вероятно, Добрыня – древнейший из богатырской троицы, по крайней мере, образ его почти наверняка впитал черты легендарного Добрыни, крестителя Киева⁴². Исходя из популярной былины о Добрыне и Змее, Добрыню Никитича, кажется, следовало бы отнести ко второму поколению героев – истребителей нечисти, но змей в былине слишком уж антропоморфен, это уже и не чудовище архаического мифа, отображающее хаотическую стихию⁴³, и даже не нелюдь – это выражение недруга вполне человеческого, нехристя, язычника, враждебного иноземца⁴⁴. Это враг периода поздней эпики, только рядящийся в хтонические одежды – с хоботами да связью с водой, а на деле выступающий вполне очеловеченным противником, вступающим в переговоры. Да и в решающий момент боя и не понять, кто же сражается с богатырём – чудовище или человек.

*Да й скочил-то он змеицу на белы груди,
Росплатать-то ёй хотит да груди белые,
Он хотит-то ёй срубить да буйны головы*⁴⁵.

Да и решающая схватка в различных вариантах былин толкуется больно разно. То Добрыня пускает в ход «колтак да земли греческой»⁴⁶ – монашеский куколь, то лупит недруга дубиной, плетью. Добрыня то мирится со змеем, заключая «записи промеж собой»⁴⁷, то вдруг рьяно вступает за полон, будто бы впервые проведая про эти злодеяния Змея. Потому-то образ Добрыни двойственен, в нем нет той целостности, что присуща образу Ильи Муромца.

Не менее неоднозначна фигура Алёши Поповича – героя с повадками трикстера.

³⁸ Пропп В.Я. Русский героический эпос... С. 241.

³⁹ Илья в ссоре с Владимиром // Илья Муромец. С.235.

⁴⁰ Ном. II. I 6-7.

⁴¹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.-Л., 1924. Т. 3. С.69.

⁴² Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 51.

⁴³ «...змей в его древнейшей форме представляет природные стихии, а именно стихии огня, воды, гор и небесных сил – дождя и грозы» (Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 181).

⁴⁴ Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 373; Смолицкий В.Г. Былина о Добрыне и змее. С. 184; Калутин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 49; Русское народное поэтическое творчество. М.-Л., 1953. Т.1. С. 197.

⁴⁵ Добрыня и Змей, 165-167 // Добрыня Никитич и Алёша Попович. С.8.

⁴⁶ Добрыня и Змей, 157 // Там же. С.8.

⁴⁷ В.Г. Смолицкий объясняет побратимство Добрыни со Змеем возможно имевшими дело переговорами исторического прототипа с некими иноверцами, возможно, волжскими булгарами – Смолицкий В.Г. Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор, XII. Л., 1971. С.189.

Алешу с неменьшим рвением, нежели в случае с Добрыней, пытались определить как историческое лицо, с известной степенью сомнения отождествив с богатырём Александром Поповичем, отличившимся на службе сразу у нескольких русских князей и павшим в битве при Калке – «*И Олександр Попович ту же убиен бысть с инеми сьмдесятью храбрых*»⁴⁸. Как герой третьего поколения Алёша связан с легендой о поединке с Тугарином. И уже в этом случае Алёша проявляет себя далеко не однозначно. Если Илья Муромец выходил на равный бой с любым противником – и даже со Святогором; если Добрыня Никитич не побоялся голыми руками схватиться со Змеем, Алёша действует против Тугарина хитростью, обманом⁴⁹.

Отечественные фольклористы отчаянно защищают этого богатыря, отмечая его ловкость, удалство, бесшабашную храбрость, жизнерадостность, лукавство и задор, но, вместе с тем, вынуждены признать, что Алёша нередко совершал поступки, «*которые не всегда достойны богатыря*»⁵⁰. И в этом нет никакого противоречия, ибо Алёша – олицетворение богатыря уже в большей степени четвёртого поколения, когда гнев, ярость и безоглядное стремление к славе сменяются уже мотивом долгой жизни и мирного процветания, когда независимые богатыри обращаются в верных княжеских слуг⁵¹. Когда они становятся из сотоварищей по богатырской заставе государевыми людьми, ищущими милости князя, и во имя этих милостей – сокровища или власти. Когда ради этих сокровища и власти они готовы совершить низость по отношению к удачливому товарищу. И потому-то Илья старается действовать в одиночку, не больно-то доверяясь «молодым» богатырям, из зависти готовым ударить в спину ножом⁵². И потому-то Добрыня презрительно величает Алёшу «бабьим насмешником»⁵³, а тот норовит украсть у товарища коня, а то и невесту, за что бывает нещадно бит⁵⁴. Это уже характеры, свойственные угасанию ментальности эпической героики. Это уже этика цивилизации, определяемой богатством и властью. И потому эпические герои обречены исчезнуть, ибо они враждебны новой цивилизации и, подобно героям-нартам, даже противостоят ей. И потому сохранились былины, как богатыри поражают врагов, но сила тех удваивается. И тогда богатыри каменеют⁵⁵: Илья Муромец уходит, имя Добрыни Никитича исчезает из летописей, Алёша Попович гибнет в битве с неверными – эпос обращается в историю.

SOME NOTES CONCERNING THE STRUCTURE OF THE EPICS (FOUR EPIC GENERATIONS)

D.V. KOLOSOV

*Knigovek Publishing,
Moscow*

*e-mail:
kolosoff.koul@mail.ru*

Based on analysis of the Greek and East-Slavic epics, four generations of heroes are studied: an archaic that asserts the power of people; classic, and that of decadence. The focus is on motives that drove heroes of each generation – hubris, lust for fame, treasures, and power. Despite the seeming remoteness in time and space, the Greek and East Slavic epics manifest genesis affinity in the first three generations. The fourth generation different by virtue of objective causes – the decline of the Mikena civilization that stalled development of the epic culture on the one hand and formed sophisticated feudal relations on the other.

Key words: epic hero, Odyssey, folk tale, Svyatogor, Ilya Muromets.

⁴⁸ Лихачёв Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Тр. ОДРЛ, т. VII. М.-Л., 1949. С. 26.

⁴⁹ Алёша Попович и Тугарин, 109-117 // Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 186.

⁵⁰ Там же. С. 350.

⁵¹ Там же. С. 159.

⁵² Первая поездка Илья Муромца в Киев, 200-204 // Илья Муромец. С. 27.

⁵³ Добрыня и Алёша / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 237.

⁵⁴ Добрыня в отъезде, 204-209 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 267.

⁵⁵ Буслев Ф.И. Русский богатырский эпос // Буслев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 187.